

Предисловие автора. Имперская альтернатива для России

В последние годы, особенно с момента крушения СССР, тема империи всё чаще стала фигурировать в глобальной повестке дня. Сначала о ней заговорили на Западе — в интеллектуальных кругах, а потом всё более открыто и откровенно. Такие американские геостратеги и политологи, как Збигнев Бжезинский, Пол Волфовец, некоторые другие эксперты прямым текстом заговорили о том, что Америка строит «Империю». Книгу с одноимённым названием выпустили известные в интеллектуальных кругах авторы — Энтони Негри и Майкл Хардт. «Мы создали первую и поистине глобальную мировую «Империю». И впервые в истории «Империя» была создана преимущественно не военными средствами», — заявил американский «экономический убийца» Джон Перкинс, окончательно легализовав тему империи, выведя её из узкого интеллектуального пространства в широкий оборот. И если распавшийся Советский Союз, по мнению американского политического истеблишмента, являлся «империей зла», то чем стала Россия, пожертвовавшая советским проектом ради того, чтобы больше не представлять угрозу для Запада? «Нормальным государством», — отвечали либерал-реформаторы 1990-х годов, поставив остаточную российскую государственность на грань существования. Тогда же стало понятным, что «нормальное государство» — это не совсем наш формат и что «Россия может быть либо великой, либо никакой».

А если всё же не «нормальное государство» на западный, прежде всего европейский манер — ведь Америка-то «Империя», — тогда что? Вот тут и возникло серьёзное подозрение, что альтернативой прекращению существования в виде «нормального государства» для России как раз и является... империя. Имперская альтернатива для России не только возможна, но именно она и обеспечивает нашему государству — с его тысячелетней историей и масштабами — необходимую выживаемость. Империя для России — это шанс выжить. Это возможность противостоять другой, американской, «империи», нападки которой на нас не только не прекратились с крушением СССР, но, напротив, лишь усилились, а сама она моментально заняла все те пространства, которые мы оставили для того, чтобы перестать быть «империей зла». Имперская альтернатива — единственно возможный вариант развития для России. Именно обоснованию и проработке данного тезиса и посвящена эта книга.

Против либерализма

Прошло более двадцати лет с тех пор, как распался Советский Союз, и вместо людей советских появились постсоветские россияне. Чем же они отличаются от прежних жителей когда-то единого государства? Как за два десятка лет изменилось общество? Этими вопросами озадачился «Левада-Центр» и пришёл к выводу, что люди стали холодными и более расчётливыми¹. Сложив основные «топовые» характеристики, можно составить портрет современного русского: он прагматичен, нетерпим, беден, больше знает о мире, но потерял надежду на то, что может жить лучше. Что же так повлияло на «мутацию» человека советского, догадаться несложно — либеральная «радиация» выжигает традиционность и идентичность из всякого человека, делая из него представителя западной цивилизации — более удачливого, предприимчивого человека-менеджера со своим золотым тельцом, но абсолютно пустого и холодного. И пусть человек наш стал больше знать о мире, надежду на счастье он потерял. Нынешний русский теперь считает себя более свободным, но после того, как он пожил в советском государстве, бедность и несправедливость ощущаются им гораздо сильнее, как-то острее. Всё потому, что либерализм для русского — это яд. И действует этот яд

---

¹ Так думает 58 % респондентов.

на традиционные установки нашего человека, изменяя его и уничтожая. Но способна ли иммунная система организма нынешнего российского общества противостоять насаждению чуждых нам культурных ценностей?

Либерализм для русского — это яд

[Захлопнуть дверь либерального Освенцима]

С момента распада Советского Союза русский народ в целом был подвержен тоталитарному либеральному прессингу. Это воздействие серьёзно подорвало подлинную сущность русского общества, внося деструктивные элементы либеральной парадигмы не только в его устройство, но и в мироощущение русского человека. Другие народы тоже пострадали, но, сохранив иммунную систему традиционной идентичности, легче пережили эту болезнь, чем русские, несколько десятилетий жертвовавшие идентичностью в пользу государства.

Либерализм более двадцати лет отравлял и разлагал наше общество. В течение всего этого времени нам пришлось ежедневно небольшими порциями, чтобы не умереть сразу, а ещё помучиться, принимать этот яд либерализма. Всё это время он разрушает организм нашего государства и каждого человека в отдельности — вот чем объясняются те изменения, которые произошли с нами за эти годы. Ещё немного, ещё какое-то количество таких приемов — и российская государственность вместе с русским народом просто скончается от тяжёлых болезней, которые вызваны действием этого яда. Либерализм — это фатальная, чудовищная болезнь, чужеродное вмешательство, которое приводит к самым тяжёлым последствиям.

Почему же либерализм так противен и даже противопоказан как отдельному русскому человеку, так и всему организму нашего государства? Всё потому, что либеральные ценности

в своей основе противоположны тем ценностям, которые формировали русский народ на протяжении веков. Это зеркальное отражение того, что является для русского человека базовой, определяющей системой ценностей. Что ни возьми в либерализме — оно полностью противоположно нашему представлению. Русский человек понимает свою функцию по отношению к государству как *служение*. В то время как либерал представляет свою функцию по отношению к государству как *наёмничество*. Русский человек — *идеалист*, а либерал — *прагматик*. Русский человек — сторонник коллективной субъектности, для него интересы коллектива и общность всегда выше, чем личные интересы, в то время как либерал настаивает на том, что частное куда более значимо, чем общее. Мы — патерналисты, они — индивидуалисты. Русский человек привык видеть во главе своего общества, своего народа — царя, сакральную фигуру, которая является неким промежуточным звеном между Богом и народом. Либерал же думает, что у власти должен находиться *наёмный менеджер*. Исповедник либерализма отрицает Бога, а мы без него не можем. И такие противоположность и антипатия, абсолютная некомплементарность русского и либерального мировоззрений содержатся во всём, что ни возьми.

Лишь под воздействием тотальной медийной, культурной, информационной пропаганды русский человек вынужден нехотя, мучительно воспринимать либеральные ценности. В какой-то момент ему начинает казаться, что он действительно разделяет, может быть, хотя бы частично эту систему ценностей. Русскому говорят, что главное — это материальное благополучие и комфорт, и он неожиданно для себя с этим соглашается, привыкает к этой мысли. А раз это главное, то в таком случае на Западе стремление к благополучию и комфорту достигается куда более эффективно. Западное общество более сытое, — соглашается русский человек, — более комфортное,

материально обеспеченное. А раз так — отвечают ему либералы, западные агенты, эффективные менеджеры, ведь они более осведомлены о том, как должно развиваться государство, чтобы достигнуть большего материального благополучия, — и раз вы согласны с этим, то и не нужно противиться инсталлированию западной системы ценностей в самой России, внутри русского общества. Вот так, загоня нашего человека в незатейливый логический тупик, западный мир на самом деле претендует на то, чтобы лишить нас суверенитета, и, ломая через колено русского человека с его идеалистическими представлениями и культом служения государству, с фигурой сакрального царя во главе, по сути разрушает государство, без которого не будет и самих русских.

Это не праздные вещи: навязывание либеральной системы влечёт за собой неизбежное разрушение русского общества и в конечном итоге разрушение государства, которое приведёт к прекращению существования русского народа как исторического субъекта. Либеральная парадигма для нас просто опасна, и пока болезнь не зашла в необратимую стадию, её нужно искоренять, вырезать, как раковую опухоль, как нарост, который убивает организм.

Под внешним прикрытием материальных изменений, ведущих к «повышению качества и комфорта», нам преподносят и изменение внутренних ценностей — морали и принципов нравственности. Это проблема расползания заразы ЛГБТ и, о чём всё больше говорят либералы, так называемого сексуального суверенитета, преподносимого чуть ли не как новая идеология. Под давлением всего этого разложения мы как бы нехотя, делая одолжение, с трудом соглашались с тем, что без идеологии мы окончательно разложимся под напором либеральных химер. Получается так, что идеология в нашем государстве появляется от противного, то есть она начинает складываться только тогда, когда под угрозой оказывается само

наше существование. Только понимание того, что все мы сейчас умрём и единственное, что поможет выжить, это формирование идеологического иммунитета, который будет отторгать чужеродные мировоззренческие парадигмы, либерализм в целом, — мы соглашаемся с необходимостью возникновения собственной, основанной на нашем историческом опыте и наших цивилизационных ценностях идеологии. Только под воздействием неизбежного рока обстоятельств мы начинаем задумываться о том, каким образом обезопасить себя от разрушительных либеральных тенденций.

К сожалению, идеологические поиски нашего государства всё ещё в зачаточном состоянии, несмотря на то что едва закончившийся XX век был веком идеологий. Основные идеологические представления уже были упорядочены мыслителями и философами прошлого столетия. Кое-какие из них даже вполне эффективно работают в плане разрушения нашей государственности со стороны глобального Запада. Либерализм уже заместил практически все свойственные нам цивилизационные признаки на свои. Остаточная русская идентичность языка, номинального православия и разве что всё ещё разделение общества на мужчин и женщин — это практически последний порог, который отделяет современного россиянина от животного. Мы вновь, в очередной раз в нашей истории, стоим на последнем рубеже. И вот нам сегодня уже предъявляют в качестве претензии последнюю человеческую идентичность — принадлежность к тому или иному полу. Это то, с чего начинался род человеческий, когда господь создал Адама и Еву, установив тем самым изначальную, базовую парадигму существования человека как вида. И это то, чем либеральные идеологи Запада предлагают нам закончить.

Насаждение нам сегодня ценностей ЛГБТ-сообщества и вызов, брошенный последнему рубежу сохранения хоть чего-то человеческого, — это то, что должно нас добить. Происходит

смещение полов, человек как вид перестает существовать. И если Запад движется к этому суицидальному фатальному выбору осмысленно, понимая, что вернуться назад, к традиции, к гармонии, к изначальному существованию, у него уже не получится, потому что он зашёл слишком далеко, то нас туда тащат силком, загоняют пинками, особо не спрашивая нашего мнения. В западном цикле осознанного разложения, конечно, ближе до конца — чтобы начать новую золотую эру человечества, — чем до точки возвращения к изначальной традиции, к базовым установкам. Поэтому-то они так оголтело ломаются к конечной точке, к финалу, к полному вырождению и аннигиляции «человеческого», понимая, что только абсолютное окончание истории Запада и западного мира в целом даст им надежду и шанс на новое рождение.

Вместе с тем наше общество и всё остальное человечество по большому счёту не так далеко ушло от традиции, от своего изначального состояния. И нам, конечно, гораздо проще и быстрее, нежели Западу, проделать путь назад. Нам совершенно с Западом не по пути — нам в разные стороны. Иногда мы останавливаемся и смотрим вслед летящему в бездну Западу и даже делаем несколько шагов в том же направлении, увлекаемые яркой, удаляющейся от нас повозкой-шапито гогочущего, непрерывно веселящегося гей-парада. Завороженные этим безумием, мы тоже вроде бы устремляемся туда. Потом останавливаемся в нерешительности, делаем шаг назад, потом ещё два шага вперёд и вновь пятимся. Именно эта неопределённость и разрушает нас своей абсолютной разнонаправленностью. Приглашение в гей-парад есть приглашение в газовую камеру западного либерального Освенцима. Дверь ещё открыта, мы ещё можем войти туда и вместе продолжить безудержное веселье перед концом. Но мы замерли у порога. Ведь мы можем и захлопнуть дверь этого либерального ада. Теперь уже окончательно.

Кошмар либерализма

[В чём угроза и как с ней бороться]

Сегодня всё чаще мы слышим о том, что либералы — зло, что они представляют угрозу, однако суть, смысл этой угрозы понимают далеко не все. Либерал — это враг; сама эта формула превратилась в мем, который распространяется из уст в уста, став медийной данностью. Но в чём же действительно опасность либерализма и либералов? Это требует пояснений.

Начать следует с того, что либералы опасны для государства как такового, потому что либерализм как идеологическое течение возник в Европе на основе идеи отрицания государства, умаления и занижения значения его функций перед выдвижением на первый план частных, личных, индивидуальных интересов, в первую очередь коммерческих. Возникло представление о том, что для достижения максимального финансового предпринимательского успеха индивида эту экономически активную социальную единицу не должно ничего сдерживать. Так идея наживы и повышения своего благосостояния стала сверхидеей, отодвинувшей государство на второй, а потом и на третий план. Нажива, по мнению либеральных догматиков, не должна быть ничем ограничена и, напротив, должна развиваться свободно и безудержно. Экономический рост тем самым, по мнению авторов этого идеологического концепта, должен быть свободным и бесконечным. Свободная экономическая единица в достижении своей главной цели — наживы, повышения своего благосостояния — оказывается превыше всего, в первую очередь значимее государства, которое с его стремлением отстаивать интересы всего общества, с его высшей целесообразностью и ограничениями частного ради общего становится серьёзной преградой. Государство то и дело начинает войну, повышая налогообложение, что ложит-

ся в том числе на плечи предпринимателей, сдерживает их экономическую инициативу, чем снижает целесообразность занятия коммерческими предприятиями и вообще являет собой грозное чудовище, левиафана, который то и дело не даёт жульничать, юлить, продавать то, что не продаётся, и предавать ради денег то, что запрещено. Государство в целях безопасности и целостности ограничивает возможные сделки, если они заключаются с «врагом», оно то и дело не даёт бесконтрольно продавать и эксплуатировать земли внутри государства, перепродавать промышленные предприятия резидентам других государств, то есть накладывает определённые ограничения на предпринимательскую деятельность. В ответ либерализм транснационализируется, то есть выходит за рамки государства. Крупному капиталу по мере его нарастания становится тесно в рамках одного государства, и он ищет новые жертвы на стороне. И в конце концов, видя серьёзные перспективы далеко за пределами своего государства, транснациональный капитал начинает в принципе игнорировать и территориальную целостность государства, и его границы, и его интересы, и, разумеется, интересы большинства населения, коммерчески не настолько успешного. На возражения со стороны масс, что «а как же мы, ведь государство отстаивает наши интересы», им предлагается тоже вливаться в когорту бизнесменов, предпринимателей, заниматься коммерческой деятельностью, не быть экономически слабыми, а быть экономически сильными. А кто не может быть сильным — ну, извините, должен вернуться в простыню и тихо ползти на кладбище, а не болтаться под ногами у сильных на пути к их главной цели — наживе. Таким образом, базовыми параметрами либерализма являются личная нажива торгующего индивидуума, бесконечный рост, сильные против слабых, меньшинство против большинства. И конечно же, государство — как угроза, как препятствие на пути частной предпринимательской инициативы без границ.

Таким образом, всякий либерал, который осмысленно называет себя таковым, является вызовом и угрозой государственности, даже если номинально он это и отрицает. В первую очередь — целостности нашего государства, которым и так сложно управлять, в котором нелегко модерировать внутренние процессы. А когда в нём ещё и заводятся либералы, процесс управления государством в разы усложняется. То есть либералы — это те, кто угрожает целостности и могуществу нашего большого государства.

Либеральное освобождение от человека: к парламенту органов

Но есть и серьёзный онтологический момент — угроза внутреннему миру каждого отдельного человека, который не считает себя либералом, то есть принадлежит к большинству. А именно: либерализм настаивает на освобождении от... От всего, что мешает эффективной торговле. Настаивает на полной атомизации, на освобождении от разных сдерживающих факторов и «предрассудков», на освобождении от традиции и «архаики». В соответствии с логикой либерализма атомизированную единицу не должно сдерживать ничего, никакая коллективная идентичность, никакой внутренний мир, никакие ограничения.

Поборовшись на прошлом этапе, в прошлом веке, с национальной идентичностью, квинтэссенцией которой стал фашизм, победив фашизм, уничтожив марксизм с его классовой идентичностью и победив все марксистские государства и сам марксизм как явление, либерализм остался один на один с самим собой. И в этом процессе ликвидации крупных врагов, атомизации и дробления он уже не может остановиться. Сначала индивид освободился от своего этноса, от своего народа, от расы, от нации. Потом он освободился от класса, этого

интернационального явления. И вот он остался один на один с собой. От чего он ещё должен освободиться? А дальше он должен освободиться от следующих коллективных идентичностей: человек-либерал не может быть мужчиной, потому что мужчин много, это целое сообщество, это огромное количество людей. Значит, он принадлежит к классу мужчин, к крупному коллективному субъекту, а либерализм в пределе этого не допускает. Но и к классу женщин он не может принадлежать, потому что женщин ещё больше и это целое сообщество. Женщины — это конкретная коллективная идентичность, поэтому и от неё человек в ультралиберализме должен отказаться. Отсюда тенденция к стиранию полов, к некой бесполости, аморфности или двуполости, вообще к полному отрыву от пола.

Но и дальше, лишившись пола, мы вновь сталкиваемся с очередным видом диктатуры, которая либерализмом неприемлема, — одна часть тела доминирует над другими, например голова доминирует над всеми остальными частями тела, заставляя их двигаться. Здесь либерал сталкивается с диктатурой головы, а это недопустимо. Вместо этого он призывает учредить «парламент органов», где органы на основе консенсуса и демократического либерального процесса будут решать, как и куда им двигаться, ползти или, может быть, лежать. Как быть с головой, как потеснить её в правах и несколько снизить её влияние? В этом стремлении либерализм движется к появлению клонов, мутантов и киборгов. Нам кажется, что это какая-то фантастическая реальность из голливудских фильмов, но ничего подобного.

Ещё каких-то пару десятилетий назад казалось, что однополые браки — это фантастика, а усыновление гей-парами детей — это вообще невероятно, так как невозможно с точки зрения морали и здравого смысла. Сегодня же мы видим, что в Европе это обретает легальный статус. Принимаются законы, которые не только однополые браки делают данностью, но и

усыновление ими детей. Либеральная Европа вплотную подошла к тому, что педофилия стала нормой. И эта тенденция уже необратима. В эту сторону развивается либерализм, и пока он не расправится с человеком окончательно, уже не сможет остановиться, иначе ему придёт конец.

Клоны, мутанты и киборги: антропоморфный либерализм

После легализации однополости идёт следующий этап: усыновление детей однополыми парами рано или поздно приведёт к тому, что дети просто закончатся, ибо их некому будет рожать. Быть женщиной нелиберально, как и быть мужчиной. Соответственно, при полном торжестве либерализма все браки в какой-то момент станут однополыми, все дети будут усыновлены, а так как их никто рожать больше не будет, то и усыновлять будет некого. Вот тут и встаёт вопрос: как европейскому либеральному человечеству хотя бы сохраниться, уже не говоря о том, чтобы увеличивать свою численность? И здесь мы приходим к клонированию как выходу. С этой необходимостью Запад столкнётся уже в ближайшее десятилетие. Европа стоит на пороге этого революционного решения — клонирование будет узаконено. Но что делать с уже существующими людьми в обществе, где смерть должна быть преодолена, так как она негуманна? Выходом становится легализация киборгов. Если человеческий организм устарел, нога износилась и больше не ходит, её просто заменяют на совершенно новую, механическую, с электронным управлением ногу. Или почки отказали, а сердце больше не хочет качать кровь. Тогда и их заменяют на электронные аналоги. Мозг пусть пока остаётся тот же, он может искусственно подпитываться. В крайнем случае промывается и помещается в новую черепную коробку — не ту, старую, которая его уже не способна носить в себе, а другую, более технологически адекватную. Ещё

какое-то время, и мы столкнёмся с киборгом в реальности. А что делать, когда каждый европеец на счету? Тогда клоны и киборги становятся данностью, повседневной реальностью.

Но и мутанты тут как тут. Это то, что является ультрасовременной технологией, когда с помощью специальных препаратов и биохимии качества человека изменяются в лучшую сторону, бесконечно совершенствуясь. Если, например, человек стал старым — происходит принудительное химическое воздействие на клетки, организм мутирует, принудительно самообновляется, становясь новым. Человеку не надо больше умирать, ведь он может жить сколько угодно — с механическими ногами, почками, сердцем или мутировав в более совершенный организм. Тогда и проблема нерождённых детей снимается сама собой.

Вот к чему нас логически ведёт либерализм, который избавился от всех ограничений и всякого идейного идеологического оппонирования. Больше никто не противостоит либерализму на Западе. Всё, что ему противостояло раньше и пытается противостоять сейчас, высмеивается, называется архаикой, пережитками, клеймится мракобесием и тотально отрицается. Перспектива такого «развития» — отказ от половой идентичности, отказ от деторождения, а дальше клоны, мутанты, киборги — вот будущее, которое предлагает нам либерализм. И это тот кошмар, с которым будет сталкиваться современный человек всё чаще и чаще, ежедневно, день ото дня.

Вычистить либералов отовсюду

*[Эффективность экономики
или подрыв патерналистских устоев?]*

Клоны, мутанты, киборги... Всё это у большинства читателей может вызвать лишь улыбку. Мы ведь привыкли мыслить себя рационально, материалистично, позитивистски. Антропо-